

Борис Докторов

75 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. В. СТАРОВОЙТОВОЙ

Мысленные беседы с Галиной

17 мая исполняется 75 лет со дня рождения одного из сильнейших демократических политиков времен Горбачева и Ельцина Галины Васильевны Старовойтовой, расстрелянной на пороге своей квартиры 20 ноября 1998 года. Сегодня она для многих – лишь часть политической истории России, но еще живы ее родные, коллеги, друзья, всегда помнящие ее.

Без малого уже четверть века я задумываюсь о судьбе Галины Старовойтовой, мы были знакомы, но не были друзьями. Не сложилось, хотя мы были земляками и работали в близких профессиональных нишах. Но мысленно я уже не раз говорил с ней.

На момент убийства Галины Старовойтовой я уже четыре года жил в Америке, но пребывал в таком разобранном состоянии, что не мог ни с кем обсудить произошедшее, тем более – написать... Однако через год я уже немного осмотрелся, начинал задумываться о возвращении в социологию и написал небольшую заметку, которую опубликовали две русские газеты: «Взгляд» (Сан-Франциско) и «Посредник» (Филадельфия). Текст – короткий, приведу его полностью.

МИНУЛ ГОД СО ДНЯ ГИБЕЛИ ГАЛИНЫ СТАРОВОЙТОВОЙ...

Это год жизни российского общества без яркого и самобытного политика, возможно, единственного продолжавшего на практике линию гражданского демократического сопротивления, свойственную первой перестроечной волне интеллектуальных политиков.

Время показало, насколько Галина Старовойтова оказалась последовательнее как политик и сильнее как личность, чем многие известные члены межрегиональной группы горбачевского парламента.

Она ничего не делала специально для того, чтобы войти в большую политику; время призвало ее. Но так случилось, что она очень быстро осознала свою общественную востребованность, уникальность своего социального опыта и мощь данного ей природой человеческого темперамента.

И прошедший после ее гибели год, мог бы стать временем укрепления ее политического и человеческого авторитета, но он стал годом становления общественной памяти о ней.

Несомненно, все случившееся с Россией с ноября 1998 по ноябрь 1999 года есть результат многих и давно развивавшихся социально-политических процессов. И все же, будь Галина Старовойтова жива, что-то в стране могло сложиться иначе, более цивилизованно и более нравственно.

Она была единственным политиком общенационального масштаба, чьи многолетние этнографические и социологические изыскания и чья политическая биография были теснейшим образом переплетены с Кавказом. Трудно, пожалуй, даже невозможно, предположить, что она смогла бы остановить кровавые события в Чечне и Дагестане.

Но скорее всего она была единственной кому - возможно - удалось бы приглушить активность тех, кто генерировал эту войну, и заставить действовать тех, кто преступно бездействовал. Галина Старовойтова прекрасно понимала, что власть обязана применять силу для защиты демократии, но она также глубоко верила в то, что без соединения морали и политики национальные проблемы не решаются...

Без Галины Старовойтовой российская политика стала еще менее нравственной, а значит еще менее обращенной к человеку. Одни осознали этот факт сразу, другие – поймут позже. Год назад российское общество обеднело» [1].

Перечитал текст, ничего не захотелось изменить, лишь некоторые утверждения особо выделить.

Вскоре Ольга Старовойтова, сестра Галины, и социолог Леонид Кесельман начали подготовку книги «Галина Старовойтова. Продолжение жизни» (2003), в нее был включен и мой небольшой текст «Общество, в котором убивают лучших политиков, лишает себя истории». Приведу часть ответа на вопрос о том, какой я запомнил Старовойтову:

«Но есть и другое воспоминание, оно относится ко второй половине марта 1988 года. Тогда в Суздале состоялся Пленум правления советской Социологической Ассоциации, участники которого стремились оценить происходящие в стране изменения и определить роль социологии в перестройке.

Остро ощущалась новая общественная атмосфера, вырабатывался новый язык анализа социальных процессов, чувствовалось общее возбуждение. Однако на Пленуме все проходило по-академически спокойно в соответствии с определенной заранее повесткой дня.

Но то, что было 23 марта, было вне в программы. Вечером, после ужина желающие собрались в одной из комнат гостиницы, чтобы послушать выступления армянского социолога Людмилы Арутюнян и Галины Старовойтовой о событиях в Сумгаите.

Постепенно народу собралось много, не менее полусотни человек, стульев не хватало, и опаздывавшие располагались на полу. Более двух часов люди сидели молча, потом задавали много вопросов, но по-моему, никто не выступал. Говорить было нечего. Надо было думать.

Галина Старовойтова рассказывала об истории Карабаха, о социально-демографических и культурных особенностях этого района. Все – просто. Но так мог говорить лишь человек, не только досконально знавший предмет анализа, но остро чувствующий боль людей, живших там, и пытавшийся искать выход из сложившейся трагической ситуации.

Галина выглядела плохо, усталой, выступала сидя, после перелома ноги ходила опираясь на палку. Но по-моему, это, ее не волновало. Она обнаруживала нечто новое в мире и открывало не известное в себе» [2].

После Суздаля я не встречался с Галиной Старовойтовой, наверное потому ее суздальское выступление ярко помнится даже сейчас. Оба цитированные текста были написаны задолго до того, как я начал углубляться в прошлое советской / российской социологии, но, наверное, возникшее тогда желание понять движение Старовойтовой в социологию и политику не исчезало. Только этим можно объяснить тот факт, что биографическая статья «Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с

«человеческим лицом»» [3], была написана и опубликована в журнале «Телескоп» в конце 2007 года, всего через три года после рождения моего проекта. До биографии Старовойтой я опубликовал лишь анализ жизни и основных книг Б.А. Грушина, но две эти биографические работы принципиально различны. Статья о Грушине была написана, когда еще не было даже мысли о направленном изучении истории отечественной социологии и потому не было установки на поиск собственной методологии. К тому же Грушин был жив, активно работал, нас связывали дружеские отношения, и я всегда мог позвонить ему с вопросами. Но ни разу не звонил. И еще крайне важно, я начал писать о нем вскоре после нашей очередной беседы у него дома, так что все делалось по следам личного общения.

Рассмотрение биографии Старовойтой делалось в рамках разрабатываемых теоретических подходов к исследованию истории отечественной социологии, и одной из целей статьи была проверка работоспособности формируемой методологии.

Тогда, ориентируясь на будущий значительный объем биографический материал, я выделил два исследовательских направления: «история в биографиях» и «биографии в истории». Первое – нацеливалось на изучение того, каким в воспоминаниях разных поколений социологов представляется прошлое российской социологии. Второе направление – встречное: анализ того, как история страны представлена в биографиях социологов, какие социально-политические и иные реалии определяли их жизнь, что формировало их гражданские установки и профессиональные воззрения. Объединяющее начало движения по двум этим направлениям я видел в развитии концепции истории с «человеческим лицом». Такая исследовательская ориентация акцентирует поиск, при котором в центре внимания оказывается человек, его личность, его творчество. То было мягкой альтернативой, не противопоставлением, институционального видения истории, в которой социология трактуется как социальный институт.

В этой новой статье впервые указывались две теоретические разработки, определившие весь дальнейший характер моего проекта: положение о «втором рождении», не возрождении, российской социологии и поколенческая структура российского социологического сообщества. Мне думается, что в целом создаваемый концептуальный аппарат позволил мне решать те задачи, которые полтора десятилетия назад отвечали моим представлениям о формировании истории отечественной социологии как истории с «человеческим лицом». Во всяком случае, через четыре месяца в том же журнале была опубликована статья с заголовком, подобном заголовку обсуждаемой статьи о Галине Старовойтой «Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» (2008 г.). Позже я отошел от активного использования термина «человеческое лицо», но суть этого подхода сохраняется и сейчас.

Ключом к пониманию процесса социализации Галины Старовойтой, а значит, и ее личности, для меня стали воспоминания Ольги Старовойтой, которой многое сделано и делается для сохранения памяти о сестре. Приведу небольшой кусок этого текста:

«Мы из того поколения, кто зацепил остаток шестидесятников, т.е. Галино становление происходило в эти годы (она закончила школу в 1964-м), и в это время в Петербурге жили одновременно такие люди, как Довлатов, Бродский, композитор Александр Журбин, замечательные художники, и этот питательный бульон она впитывала – с кем-то была знакома, с кем-то близко дружила. Уверена, что немалую роль сыграл ее первый муж,

Михаил Борщевский – он старше, и он больше общался с такой почти богемой, художественной элитой города, музыкантами. Галя совершенно органично вписалась в этот круг – я бы назвала этих людей элитой города и страны того времени. Я видела этих людей, хотя близко не дружила. Они бывали у нас дома, но я не вписалась. А она вписалась. Это особый дар, видимо, дар обаяния, дар того, как она притягивала самых разных людей» [4].

По воспоминаниям мамы сестер, Галя была знакома с Бродским еще до первого суда. После архангельской ссылки он устроился работать сторожем, потом кочегаром в Летний сад. Однажды Галя попросила у мамы денег. «“Здесь есть один человек, ему очень плохо живется, совсем нечего есть, хочу купить ему пачку печенья и положить под дверь...”». Галя почти каждый день выклянчивала у меня деньги, шла в Летний сад и около сторожки Иосифа Бродского оставляла ему еду» [5].

С социологом Михаилом Борщевским, одним из первых в стране исследователей урбанистических процессов, я несколько лет работал в Институте социально-экономических проблем РАН, так что его я знал лучше, чем Галину. А вот как их вспоминает Ольга: «Оба обаятельных и оба одаренных. Это была чудесная пара. И как бы заводилой был Миша, но у Гали была своя роль. Где-то она могла перехватить разговор, где-то придать другую эмоциональную окраску».

Галина Старовойтова рано открыла для себя кафе «Сайгон», расположенное в центре исторической части города. Это было место, где собирались диссиденты и молодые представители андеграундного искусства. Разговоры, дискуссии, которые она слышала, наверное, и участвовала предлагали ей иную картину мира социальных отношений, чем та, которая рисовалась официальными средствами массовой информации. И это побуждало ее к собственным размышлениям об обществе, власти, свободе.

Года за полтора до начала работы над статьей о Старовойтовой было начато интервью по электронной почте с Татьяной Ивановной Заславской [6], которая в то время готовила для печати свои воспоминания о жизни, и высылала мне многие завершённые разделы. Так что почти в самом начале нашей беседы я написал ей, что читая ее воспоминания, обратил внимание на фразу из заметок 1942–1950 гг.: «Высокая интенсивность информационного поля. Обнаруживающаяся пропасть между жизнью и пропагандой. Социальное взросление». Вот как Заславская пояснила мне эти свои слова :

«Дело в том, что во время войны наша московская квартира на Пятницкой стала одной из редких надежных точек, через которые родные и близкие могли находить друг друга. Поэтому все, кто ехал через Москву (обычно на фронт или с фронта), останавливались на пару дней у нас и рассказывали, рассказывали, рассказывали... То, что я слышала от этих людей, было до бесконечности не похоже на то, о чем писалось в газетах. Да мы и сами были непосредственно включены в московскую жизнь военного времени, когда из-за трудных условий многие казалось бы хорошие люди раскрывались совсем с другой стороны».

Далее я писал Татьяне Ивановне: «Примечательны и Ваши записки о посещении студии молодых поэтов и ночных посиделках, на которых Павел Топер и Ярополк Семенов читали стихи поэтов серебряного века. В студии Вы слушали Гудзенко, Межирова, Солоухина, Коржавина, Тушнову, Некрасову, Друнину... поэтов, позже передавших в своих стихах войну и дух «оттепели»... Социологи Вашего поколения отмечают, что стихи

поэтов-фронтовиков многое определили в их мировоззрении. Вы разделяете их точку зрения?» Теперь – слова Заславской: «Встречаться с молодыми поэтами, слушать их стихи, а потом споры было увлекательно и очень радостно. Они оказали на меня громадное влияние, потому что свойственная им суровая, проверенная войною мораль открыто и жестко противостояла мелочности, пошлости, а нередко и подлости тыловой жизни. Молодые поэты были чистыми в высшем смысле слова, они прошли войну, пропустили ее ужас через свои души и благодаря этому приобщились к самым высоким ценностям. Мне остро не хватало духовной опоры в окружавшем мире, а тут – такие прекрасные люди и такие замечательные стихи! Мы с Майей [БД: «Майя Ивановна Черемисина, старшая сестра Татьяны Ивановны, профессор лингвистики] воспринимали это как настоящий “пир души”».

Летом 2007 года интервью с Заславской завершалось, и я решил встретиться с ней и побеседовать о нашей работе в целом. Татьяна Ивановна пригласила меня приехать на ее академическую дачу в поселке Мозжинка, и 16 июля такая встреча состоялась. Была отличная погода, и несколько часов мы говорили сначала по некоторым пунктам интервью, а потом - «за жизнь» в целом. Мы были знакомы уже десять лет, я несколько раз бывал у нее дома в Москве, потому нам было просто. Какое-то время я записывал нашу беседу на диктофон, но потом мы достигли такого уровня откровенности, доверительности, что я отключил запись.

Заславская знала Галину Старовойтову по совместной работе в Межрегиональной депутатской группе. Мой рассказ Татьяне Ивановне о дружбе, добрых отношениях Старовойтовой с молодыми ленинградскими поэтами и об их влиянии на ее мировоззрения, породил массу ее воспоминаний, кроме того я обратил внимание Заславской еще на одну общую черту в их вхождении в анализа общества. Заславская проучилась три года на физическом факультете МГУ и затем перевелась на экономической факультет. Старовойтова после школы поступила в Военно-механический институт, но, «надышавшись воздухом» Сайгона ушла из него и поступила на только что на открывшийся факультет психологии ЛГУ. В этом мы оба увидели специфику отношения Заславской и Старовойтовой к социуму, социальным отношениям, политике. Когда же я добавил, что мужей обеих женщин звали Михаилом, наш разговор включил в себя обсуждение особенностей биографического анализа и моей установки на изучение истории российской социологии как истории с «человеческим лицом». По сути это было то, что в последние годы я называю биографичностью социологического творчества.

* * *

В начале моего историко-социологического проекта я определил судьбу как комплекс всего, что предопределяет биографию человека (предбиография), наполняет его жизнь (собственно биография) и связано с ним после ее завершения (постбиография). До самого последнего времени в проводимых биографических исследованиях я один раз встретился с человеком, в предбиографии которого был родственник – герой известной серии книг «Жизнь замечательных людей», Это – А.Н. Алексеев, книга о его прадеде Павле Петровиче Амосове (1796-1851), знаменитом ученом металлурге, увидела свет в 1954 году, и тогда же в Златоусте был сооружен ему памятник.

В начале этого года в серии ЖЗЛ вышла книга о Б.М. Фирсове, она – уникальный случай в истории этого издания – стала частью его биографии.

Придет время, и в постбиографии Галины Старовойтовой будет книга в серии ЖЗЛ. Замечу, памятник ей был открыт в тихом, спокойном уголке центра Петербурга в 2006 году.

Литература.

1. Докторов Б. Минул год после гибели Галины Старовойтовой. <https://pseudology.org/Starovoitova/Starovoitova.htm>.
2. Докторов Б. Общество, в котором убивают лучших политиков, лишает себя истории. https://www.pseudology.org/Starovoitova/Starovoitova_03.htm.
3. Докторов Б. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп. 2007, № 6 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1230371054493134file.pdf.
4. Старовойтова О. Из воспоминаний Ольги Старовойтовой. <http://www.starovoitova.ru/rus/main.php?i=2&s=6>.
5. Боброва И. Железная Леди в стоптанных туфельках. <https://www.mk.ru/editions/daily/article/2000/11/20/116695-zheleznaya-ledi-v-stoptannyih-tufelkah.html>.
6. Заславская Т.И. : «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» // Социологический журнал. 2007. Том. 0. № 3. С. С. 137-173. <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/961/915>.